

Ариадна И. Кузнецова (Москва)

О двух ключевых моментах в изучении прибалтийско-финских языков и народов

Обнаружить истоки любого народа и установить происхождение его языка — задача очень сложная. Первое знакомство с языком, не известным ранее, вызывает прежде всего желание определить его генетические корни, попытаться идентифицировать его с уже известными языками. Отсюда понятен стойкий интерес лингвистов к проблеме выяснения родства вновь открываемых языков, интерес, который сохраняется порою в течение столетий, рождая бесконечные споры.

Однако не менее трудно понять, каковы (помимо политических, демографических, экономических и т.п.) причины разрушения и утраты народом родного языка. Народу, особенно, если он имеет тысячелетнюю историю, уйти с исторической сцены, утратив свой язык, не так просто, как может показаться. И совершенно невозможно уйти безболезненно. Ситуация разрушения, умирания языка вызывает у исследователей желание понять причины этого явления, выяснить которые можно, лишь зная существующую в районе проживания народа языковую ситуацию. Описание ее составляет задачу социолингвистики и представляет собой весьма трудоемкий процесс.

На примере миноритарных уральских языков прибалтийско-финской группы, изучению которых много времени и сил отдал профессор Сеппо Сухонен, мы наблюдаем оба эти момента одновременно: с одной стороны, еще не завершились споры о происхождении некоторых из прибалтийско-финских языков, с другой стороны, уже активно обсуждаются проблемы, связанные с вымиранием этих этносов и их языков, предпринимаются попытки реанимировать исчезающие языки.

Именно об этих двух ключевых моментах в изучении «малых» прибалтийско-финских языков и пойдет в дальнейшем речь.

Первые сведения об уральцах стали появляться с начала I тысячелетия нашей эры, умножившись в Средние века и особенно возросши в XVIII–XIX вв., когда начали закладываться основы истории, этнографии, лингвистики и археологии как самостоятельных наук¹. Естественно, что по мере накопления материалов о народах и языках уральцев, изменялись и **взгляды на родство финно-угорских и самодийских языков и их носителей**, в том числе, — **прибалтийско-финских языков**. Во многих случаях исследователи не могли сразу однозначно установить родственные отношения вновь описываемых языков.

В вопросах определения генетической принадлежности малых языков прибалтийско-финской группы долгое время царила большая путаница. Так, в XVIII в. **водь** и **ижоры** воспринимались как один народ. Более того, в словаре П. С. Палласа под № 54 под рубрикой «По-Чюхонски» значатся, видимо,

водский, ижорский и финский языки. Вместе с тем, в предисловии к словарю говорится, что сведения о «финских» наречиях почерпнуты автором из словарей «языков Варяжского и Чудского» [Pallas 1786/1977, с. XXIV]. По предположению П. А. Аристэ, чиновники того времени спутали наименование «варяги» с само-названием води *vad'dalain* [Аристэ 1947, с. 36]. Все это свидетельствует о том, что в конце XVIII в. водский язык, как и ижорский, в целом был не известен, хотя в тот период Ф. Л. Трефурт, материалы которого были изданы в 1779–1785 гг. Ф. К. Гадебушем, исследовал именно водский язык, называя его, правда, чудским. Ф. Л. Трефурт указывал на сходство этого языка с финским и одновременно подчеркивал, что говорить на языке друг друга финны и водь не в состоянии. Финский историк Х. Г. Портан, как позднее и К. А. Готтлунд, считали водский язык одним из говоров финского языка, тогда как А. Алквист видел в водском диалект эстонского языка. А. И. Шёгрэн отмечал в языке води многочисленные саамские (лопарские) и особенно эстонские элементы наряду с вепскими и финскими, причем указывал на заметный перевес последних. Ф. И. Видеман, а затем В. Поркка, Э. Н. Сетяля и Л. Кеттунен объявили водский язык самостоятельным прибалтийско-финским языком.

Начиная с XVII в., высказывались многочисленные предположения о том, кто такие **кревины**: ливы, эсты (эстонцы), даже кривичи (точка зрения Дитмара) или какой-то еще неизвестный народ. В словаре Палласа существует рубрика «По-Кривинго-Ливонски» (№ 44). Язык кревинов обычно признавался за язык, близко родственный ливскому языку или являющийся наречием ливского (это видно и по рубрике в словаре П. С. Палласа), а иногда – близкий эстонскому языку или даже его диалект (например, по мнению И. Х. Аделунга, И. Х. Бротце и др.). Дитмар (1816 г.) объявляет кревинов кривичами² (от латышского *krīevs* «русский» и, видимо, «кривой» [Топоров 1984, с. 204–205]. Ср. ст.-латыш. *Krews, Krewing* и др., сохранившиеся в топонимических названиях). Тем не менее, язык кревинов Дитмар называет «финско-эстским наречием, весьма сходным с ливским» [Видеман 1872, с. 61]. А. Х. Лерберг (едва ли не единственный) выделил кревинов в самостоятельный народ, а их язык отнес к группе «чудских» языков. Под последними историк понимал прибалтийско-финские языки, причем, водский и ижорский (ингрский) считал одним языком и называл его ингерманландским [Лерберг 1819, с. 118]. Споры по поводу происхождения кревинов и их языка, вызванные работой А. Л. Шлёцера «*Naigolds Beilagen zum neuveränderten Russland*» (1770), велись более 100 лет. Язык латышских кревинов, проживавших в Латвии, исчез в первой трети XIX в. . В настоящее время считается, что это был язык води, взятой в плен немцами и перевезенной ими в Латвию в результате военной кампании 1444–1447 гг. Водь была вывезена из той части Эстляндии, которая находилась под русским владычеством (отсюда и их название). В Латвии водский язык существовал в латышскоязычном окружении, постепенно забываясь носителями и ассимилируясь. В письме пастора Карла Лутцау от 8 июля 1815 г. есть следующее свидетельство: «Обитающие в моем Ней-Раденском приходе так называемые Кревины суть народ финско-эстского племени... Кревинов, до сих пор знающих кривинский язык и говорящих на нем, наберется много что семь человек,

и все это — старики; молодые люди этому языку уже не учатся»³ [Цит. по: Видеман 1872, с. 14]. Как видно из этого письма, водская диаспора в окружении латышскоязычного населения просуществовала более 350 лет.

Наконец, следует обратить внимание в словаре П. С. Палласа на рубрики, также имеющие отношение к прибалтийско-финским языкам: «По-Эстландски» (№ 55), «По-Карельски» (№ 56) и «По-Олонецки» (№ 57). П. С. Паллас выделяет «эстский» язык, хотя нередко в тот период отдельные диалекты эстонского языка (в частности, эзельское наречие) считались самостоятельными языками [Видеман 1872, с. 7]. Под № 57 подразумевается, видимо, людиковский диалект карельского языка, имеющий вепсский субстрат, или сам вепсский язык, что остается неясным.

Казалось бы, идентификация языков малочисленных народов прибалтийско-финской группы к настоящему времени закончена и всеми принята, однако в последнее время разгорелась новая дискуссия по поводу происхождения одного из языков этой группы, а именно — вепсского языка, в связи с возникновением так называемой «мерянской» проблемы.⁴

Происхождение **вепсов** и их языка не менее сложно, чем любого другого народа и языка. Обычно при формировании этносов между их языками складываются конвергентно-дивергентные отношения и часто возникают субстратные явления. И то, и другое присутствует в формировании вепсского языка. Когда в начале прошлого века русский историк Н. М. Карамзин написал, что «Весь, Меря, Мурома, наконец, обратились в славян, приняв их обычаи, язык и веру» [Карамзин 1897, с. 93], ошибочно возникло предвзятое мнение, будто летописная Весь и современные вепсы — разные, генетически не связанные между собой народы, тем более, что этноним *весь* последний раз встречается в летописях в конце IX в. Эта точка зрения держалась в русской науке едва ли не столетие, хотя признавалась далеко не всеми, см., например, [Майнов 1877]. Среди современников Н. М. Карамзина также высказывались иные взгляды. Так, в середине 20-х гг. XIX в. А. И. Шёгрэн выдвинул положение о родстве вепсов с летописной Весью. Правда, впоследствии А. И. Шёгрэн отказался от своей первоначальной мысли и выступил с «емской» теорией, называя вепсов «первобытными» финнами, потомками не Веси, а Еми. Во 2-ой половине XIX в. появляется «уточняющая» теорию А. И. Шёгрена «угорская» теория Д. Европеуса, частично поддержанная в России рядом авторов, например, П. С. Ефименко [Ефименко 1861]. В ней идет речь об угорском происхождении древней Веси, которая объявляется югрой, и о прибалтийско-финском происхождении вепсов. В течение всех последующих лет, вплоть до настоящего времени, можно установить непрерывающийся поток работ, в которых рассматривается вопрос о том, кто такие вепсы, с кем, когда, где и как они взаимодействовали. Постепенно исследователи (историки, археологи, лингвисты-топонимисты) пришли к выводу, что в формировании вепсов (летописной Веси)⁵ участвовали помимо прибалтийско-финских народностей саамы и волжско-финские народы, а сами вепсы приняли участие в этногенезе западных коми-зырян. Встречающиеся в ареале карельско-вепсского контактирования в районе Присвирья саамские и верхневолжские топонимы наводят на мысль,

как считает И. И. Муллонен, о праприбалтийско-финско-саамских истоках населения, являющегося связующим звеном между волжскими финнами, с одной стороны, и саамами и прибалтийскими финнами, с другой. Не исключено, что именно мерянский язык, распадавшийся, по-видимому, на несколько диалектов, представлял собой переходное звено, некогда связывавшее прибалтийско-финские и волжско-финские языки.

В конце 1970-х гг. А. С. Герд говорил о существовании в Присвирье особого этноязычного союза, объединяющего русские и вепско-карельские диалекты, что не могло не отразиться на **языковой ситуации** в этом районе. Надо иметь в виду при этом, что вплоть до начала XX в. вепсы назывались *кайванами* или *чухарями*, а также *чудью* (последний термин обычно используется как собирательное наименование для многих древних финно-угорских племен). Языковая ситуация в районах расселения вепсов издавна отличалась большой неустойчивостью и сложностью, о чем можно судить по многим косвенным данным. До середины XX в. не существовало социолингвистики как особой дисциплины, без которой сейчас немислимо представить себе описание языков малочисленных народов, подвергающихся разрушению и вымиранию. Однако некоторые социолингвистические сведения о языковой ситуации у **вепсов** в конце XIX – начале XX вв. можно извлечь из многочисленных отчетов исследователей данной народности, из записей путешественников, посетивших районы, заселенные вепсами на р. Оять, Паша и в иных местах (В. Н. Майнов, Д. П. Никольский, Н. Подвысоцкий, Г. И. Куликовский, Н. С. Лесков и др.).

К числу таких сведений в конце прошлого века относится, например, сообщение о том, что *среди тихвинских вепсов «все мужчины говорят, худо ли, хорошо ли, по-русски, но между собой они иначе не говорят, как только на своем наречии, которое вовсе не понятно для нас, русских. Кайванская речь слышится на всем протяжении от села Вонозера до Печуш – здесь редко услышите даже русскую речь, так как сами русские говорят по-кайвански и при сношении с кайванами предпочитают инородческую речь своей русской»* (выделено мною – А. К.) [Подвысоцкий 1899, с. 55]. Более того, по свидетельству Д. П. Никольского, относящемуся также к концу XIX века, «в глухих кайванских деревнях женщины и дети не знают русского языка» [Никольский 1895, с. 14]. Вместе с тем, при такой, казалось бы, благополучной языковой ситуации русские исследователи, приезжавшие в районы проживания вепсов, четко ощущали, что данный народ вымирает: «‘Въедешь на Оять, так и свету боле не видать’ – говорит местная пословица» [Лесков 1895, с. 4]. Н. Подвысоцкий в отчете о своей летней экспедиции к кайванам (вепсам), проживающим на восточных и северных окраинах Тихвинского уезда, с грустью констатирует: «Никакой кайванской азбуки до сих пор не существует⁶, и все попытки создать русско-кайванский словарь, а также хоть какую-нибудь грамматику или азбуку безуспешны. А об этом следует подумать серьезно, так как тихвинские кайваны вымирающая народность, и стыдно будет, если эта народность, живя так близко от столицы, исчезнет, не оставив после себя никаких письменных памятников. Составить же кайванскую азбуку, а также грамматику и русско-кайванский словарь вовсе не так трудно, зная русский и кайванский языки. Там существуют

в ближайших окрестностях школы, где обучают детей, причем, *первый год* по их поступлении туда *обучение ведется на кайванском наречии* (курсив мой — А. К.), а со второго года оно уже ведется на русском языке, для чего учителю приходится более или менее знать как кайванский, так и русский языки» [Подвысоцкий 1899, с. 56]. К сожалению, языковая ситуация у вепсов не улучшилась, но заметно усложнилась: с одной стороны, вепсы получили письменность в 1931 г. на латинской основе на базе западных говоров средневепского диалекта с учетом южновепского диалекта, которая была после 1937 г. вплоть до конца 1980-х гг. забыта и вновь воссоздана лишь в конце 1980-х гг. на базе средневепского диалекта. С другой стороны, язык к настоящему времени претерпел большие изменения; все вепсы двуязычны и пользуются русским языком, хорошо владея им, а вепсский язык является языком устного общения, главным образом, в сельских местностях [Bátori 1982; Зайцева 1993; Клементьев 1994; Крючкова 1992; Кузнецова 1997; ОФУЯ 1975; Suhonen 1993]. Как и когда это произошло?

Русский археолог В. И. Равдоникас в 1925 г., работая в Губстатбюро, собирал статистические сведения по Тихвинскому уезду, где проживало в те годы 8% вепсов, называвшихся чухарями. Уже тогда обсуждался вопрос о необходимости учета и картографирования «селений: 1) говорящих на чухарском языке, 2) говорящих на чухарском и русском и 3) говорящих на русском, но с населением чухарского происхождения» [Равдоникас 1925, с. 10]. В. И. Равдоникас подчеркивает, что численность вепсов точно не установлена и что у разных авторов их численность дается совершенно различно, например: В. П. Семенов приводит цифру 25 тыс. человек; по Словарю Брокгауза и Эфрона вепсов — 6700, в работах А. И. Колмогорова — их 6000 чел. По земским данным 1908 г. в Тихвинском уезде жило 8952 чухаря; по переписи 1920 г. в Белозерском уезде они не зарегистрированы вовсе, а в Тихвинском их численность определена в 3053 чел. Сам В. И. Равдоникас за приблизительную цифру чухарского населения принимает 10 — 20 тысяч человек.

В 1930-е гг. С. Макарьев публикует статистические сведения о вепсах по различным районам, в которых вепсы проживают: Прионежских вепсов — 10117 (из них 800 чел. в Лодейнопольском округе, примыкающем сюда); Тихвинских — 9987 (в 1908 г. их было здесь 8952 чел.); Белозерских — 2540 (в 1924 г. — 2466); Шимозерских — 4936; Приоятьских — 6502 (по данным 1926 г.). Всего, таким образом, — 34032 чел. [Макарьев 1932, с. 4–5]. Это приблизительно согласуется со сведениями, которые приводятся Иштваном Батори [Bátori 1982, p. 138, 141].

За последующие 20 лет, то есть ко времени переписи 1959 г., вепское население⁷ сократилось почти в два раза. Точно так же в два раза уменьшилось количество вепсов, признающих вепсский язык родным, что является основным признаком угасания этноса. По переписи 1979 г. вепсов числится 8094 чел. (из них 3104 чел. признали вепсский язык родным). Зато по данным переписи 1989 г. в России насчитывается уже 12142 вепса из общего числа их 12501 человек (459 чел. живёт за пределами РФ). Вепсский язык считают родным 6355 чел. По сравнению с материалами переписи 1979 г. наблюдается некоторый

прирост населения у вепсов при одновременном росте этнического самосознания⁸.

Казалось бы, положение с этносом и его языком стало медленно улучшаться, однако в разных районах проживания вепсов, не имеющих собственной национальной территориально-административной единицы, языковая и культурная ситуация различна: знание языка, традиционных обрядов лучше у вепсов Вологодской области, хуже всего — у северных вепсов. На знание того и другого влияет возраст и пол. Как справедливо указывает И. Ю. Винокурова [Винокурова 1995, с. 62–64], в последнее десятилетие заметно уменьшилась доля молодежи 16–29 лет (причина — миграция населения, ликвидация деревень) в сельской местности с северновепским населением (до 22,8%); возникла диспропорция полов — избыток женихов и дефицит невест (отсюда — проблема создания семьи). Данные факты свидетельствуют о нарушении «межпоколенной ретрансляции традиционной (праздничной) культуры», а вместе с ней и языка. В связи с этим языковую ситуацию у вепсов следует квалифицировать как неустойчивую и достаточно тяжелую.

Меняются взгляды исследователей на генезис отдельных прибалтийско-финских народов, меняются методы социолингвистического анализа и языковая ситуация у каждого народа, в том числе у вепсов, но сами проблемы не утрачивают своей притягательности для большого круга исследователей, в том числе, для юбиляра. Не иссякает интерес и к многочисленным проблемам изучения вепсского и некоторых других исчезающих в настоящее время миноритарных языков прибалтийско-финской группы, что позволяет назвать вымирающий вепсский язык вечно живым.

Литература

- Аристе П. А.** Происхождение водского языка // Филологические доклады на конференции по вопросам финноугорской филологии в Ленинграде в 1947 г. — Tartu, 1947. С. 35–47.
- Аристе П. А.** Пути отмирания двух прибалтийско-финских языков // Проблемы языкознания (доклады на X МКЛ). — М., 1967, с. 115–119.
- Видеман Ф. И.** О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривинов. — СПб, 1872. 118 с.
- Винокурова И. Ю.** Северновепские престольные праздники: традиции и современность // Этнографическое обозрение. № 6, 1995, с. 50–67.
- Ефименко П. С.** Заволоцкая чудь. — Архангельск, 1869. Статья 1-ая (44 с.) и 2-ая (147 с.).
- Зайцева М. И.** Вепсский язык // Языки мира. Уральские языки. — М., 1993. С. 36–48.
- Карамзин Н. М.** История государства Российского. Т. I. — СПб., 1897.
- Клементьев Е. И.** Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // Финноугроведение. № 1, с. 41–55.
- Крючкова Т. Б.** Языковая ситуация в Карельской республике // Языковая ситуация в РФ: 1992. — М., 1992, с. 110–115.
- Кузнецова А. И.** Создание и становление письменности как социолингвистическая проблема (на примере миноритарных языков уральской языковой семьи) // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. — М., 1997.
- Лерберг А. Х.** Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Перевод Д. Языкова. — СПб, 1819.

- Лесков Н. С.** Отчет о поездке в Чудской край (Олонецкой губ. Лодейнопольского у.) в 1894 г. // Живая старина, вып. I. — СПб, 1895, с. 1–13.
- Майнов В. Н.** Приютская Чудь (Весь — Вепсы) // Древняя и новая Россия. — СПб, 1877, NN 5–6.
- Макарьев С.** Вепсы. Этнографический очерк. — Л., 1932.
- Никольский Д. П.** Кайваны или чухари // Живая старина, вып. I. — СПб., 1895, с. 14–16.
- Пименов В. В.** Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М.-Л., 1965.
- ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. — М., 1975.
- Подвысоцкий Н.** Кайваны (Этнографический очерк из моей последней летней экскурсии) // Естествознание и география. Год IV. 1899, № 1, с. 51–62.
- Равдоникас В. И. I.** Население Тихвинского уезда (статистические сведения). II. Чухари. — Тихвин, 1925.
- Топоров В. Н.** Прусский язык. Словарь (К–Л). — М., 1984.
- Bátori I.** Die zahlenmäßige Entwicklung der finnisch-ugrischen Völker der Sowjetunion anhand der Volkszählung 1979 // FUF, Bd. XLIV, Hft. 1–3. — Helsinki, 1982. S. 127–149.
- Bereczki G.** Le méria, une langue balto-finnoise disparuë // Uppsala Multiethnic Papers 39. Contacts de langues et de cultures dans l'aire baltique. — Uppsala, 1996. Pp. 69–76.
- Pallas P. S.** Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. — Petropoli. Bd. I. 1786, Bd. 2. 1789 // Aufl. — Hamburg: Buske. 1977, 1978.
- Suhonen S.** Wege der kleineren ostseefinnischen Völker zur eigenen Schriftsprache und Literatur // Specimina Sibirica. Redigit J. Pusztay. T. VIII. — Savariae, 1993. Pp. 151–162.

Примечания

- 1 В России начало собиранию древностей положил Петр I своим знаменитым указом от 13 февраля 1718 г. : «... ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача... ». [Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начало XX вв. Сборник документов. М., 1978, с. 21]. Российский историк В. Н. Татищев (1686 — 1750) составил первую инструкцию для собирания географических и археологических сведений. Он же предложил проводить опрос местного (аборигенного) населения по специальным анкетам, во многом используемым современными этнографами и социолингвистами.
- 2 В последнее время в русистике усилился интерес к проблеме происхождения кривичей. Например, Г. А. Хабургаев предполагает «генетическое единство северно-восточнославянских говоров, дифференциация которых связана с поглощением неоднородного субстрата. В частности, если в окрестностях Новгорода славяне ассимилировали древнее прибалтийско-финское население, то на территории будущей Псковщины славянские колонисты должны были столкнуться со своеобразным населением балто-финского пограничья (с *крив-ой?* — откуда летописные *крив-ич-и*)... » [Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. — М., 1979. С. 115].
- 3 Пятью годами ранее (7 ноября 1810 г.) в письме того же К. Лутцау надворному советнику И. Фр. Рекке говорится, что в Ней-Раденском приходе «можно насчитать много что человек от 12 до 15, и это почти все старики; молодые люди этому уже не учатся, и лет через 20 или 30 он, вероятно, совершенно исчезнет» [Видеман 1872, с. 13]. Прогноз К. Лутцау оказался не совсем точным: судя по «Алфавитному списку народов, обитающих в Российской империи» [СПб, 1895], в 1851 г. числилось 300

- чел. кривингов в северных уездах Курляндской и в Лифляндской губерниях, впрочем, видимо, забывших свой язык.
- 4 «Мерянской» проблемой интересуются как в России, так и за ее пределами, достаточно вспомнить многочисленные статьи А. К. Матвеева, книгу (хотя и очень спорную) О. Б. Ткаченко «Мерянский язык» (Киев 1985), исследования, ведущиеся в настоящее время ярославскими диалектологами совместно с финской лингвисткой Арьей Алквист, или работу Г. Берецки [Bereczki G. Le méria, une langue balto-finnoise disparuë // Contacts de langues et de cultures dans l'aire Baltique. Uppsala Multiethnic Papers 39. — Uppsala 1996, pp. 69–76] и др.
 - 5 По наблюдениям археолога Е. А. Рябинина [Рябинин Е. А. Финно-угорские племена Древней Руси (к истории славяно-финских культурных связей), автореферат докт. дисс. Л., 1991, с. 11], этноним *весь* встречается в русских летописях не более семи раз, начиная с 859 г. и кончая 882 г. В частотном словнике к «Повести временных лет» О. В. Творогова этноним *весь* имеет частоту встречаемости лишь 4 [Лексический состав «Повести временных лет». — Киев, 1984, с. 33]. Отсутствие упоминания о веси в последующие времена связано, по мнению С. И. Кочкуркиной [Сокровища древних вепсов. — Петрозаводск, 1990, с. 24], скорее всего, с тем, что в дальнейшем *весь* могла выступать под собирательным именем *чудь* во избежание путаницы с древнерусским словом *весь* «селение, деревня».
 - 6 Как отмечает В. Н. Майнов, «писать буквами, конечно, Весяне не умели, и слово *кирьютада* ‘писать’ означает, собственно говоря, рисовать, что указывает на существование фигурального письма у Весян» [Майнов 1877, № 6, с. 136].
 - 7 В последние годы вопросу сокращения и без того незначительного количества народонаселения малочисленных этносов (преимущественно северных) уделяется много внимания, см., например: Janhunen J. Ethnic Death and Survival in the Soviet North // JSFOu 83, Helsinki, 1991. P. 111–122. Künnap A. On the Linguistic Death and Survival of Some Minor Uralic Peoples in North Russia and Siberia. // Minor Uralic languages: structure and development. Tartu — Groningen, 1994. P. 73–82. Northern Minority Languages. Problems of Survival. Ed. by Hiroshi Shoji and Juha Janhunen. Osaka, 1997 и др.
 - 8 Д. А. Бакулин говорит о возрождении национального самосознания тихвинских и лодейнопольских вепсов Ленинградской области (по его данным, 316 и 194 чел. соответственно), что привело к появлению завышенных цифр, касающихся вепсов, в переписи 1989 г. См. : Bakulin Dm. A. Changes in the National Self-consciousness of Contemporary VAS (VEPSY) // Specimina Sibirica. Red. Pusztay J. T. VIII. Szombathely, 1993. P. 17–21.